

СВЕТЛАНА ЗАЗИМКО

МОЙ СЕВАСТОПОЛЬ...

Шумят платаны, бедра изогнув,
Вознесся ввысь пирамидальный
тополь.
Стою, немея, руки протянув
К тебе, красавец, гордый
Севастополь!..

Когда-нибудь я напишу эти строки, мне и в голову не приходит: пока стихи льются сплошь о любви, и ровесники переписывают их в свои блокноты из институтской газеты «Словесник». Я студентка историко-филологического факультета Тюменского Государственного педагогического института. Учусь легко и радостно. И вот уже 3-й курс подкатывается к завершению. Скоро защита курсовой работы по литературе. Вот только тема мне досталась, на мое удивление, не совсем удачная: «Образ русского солдата по «Севастопольским рассказам» Л.Н.Толстого». Конечно, автор - классик непревзойденный, но ведь это всего три рассказа: «Севастополь в декабре 1854 г.», «Севастополь в мае 1855 г.» и «Севастополь в августе 1855 г.», - о Крымской войне 1853-1856 гг., т.е. более чем столетней давности! То ли дело было годом раньше: тема курсовой работы по русскому языку, в научном освещении, была сплошной поэзией: «Словообразование имен существительных по произведениям С.Есенина и В.Маяковского». Есенина только начали печатать - и я буквально витала в облаках, зачитываясь им; да и творчество Маяковского еще горячо почитали.

По мере погружения в содержание «Севастопольских рассказов» менялось мое восприятие темы курсовой работы. И даже по истечении многих лет я могла бы пространно и красочно передать все описанные автором события: и высокий героизм простых русских солдат на бастионах, и мужество боевых адмиралов, руководивших обороной Севастополя и защитой Крыма от англо-французских и турецких войск, в несколько раз превосходивших численность русских солдат. На защите курсовая работа получила оценку «отлично» и была выдвинута на участие в студенческой научной конференции, где отмечена почетной грамотой дирекции и совета студенческого научного общества института от 28 апреля 1961 года.

Но это будет чуть позже. А 12 апреля 1961 года я, наконец, завершаю переписывать работу на бумажку, чтобы сдать ее научному руководителю. Настенный радиодинамик негромко ведет свое вещание и вдруг прерывает его, сообщая о первом полете человека в Космос! Юрий Алексеевич Гагарин, молодой советский офицер, - вот она, прелесть героизма наших русских воинов! После такого сообщения невозможно оставаться дома, и я чуть ли ни бегом спешу в институт. А там актовый зал уже полон - радость безмерная, счастье непередаваемое!..

И тогда я еще не знала, что через несколько лет в Севастополе буду стоять на Аллее платанов у молодого деревца, посаженного нашим первым космонавтом. И возникнут эти первые стихотворные строки о Севастополе, и снова всплывут в памяти «Севастопольские рассказы» и то 12 апреля, ставшее Днем космонавтики.

Экскурсионный автобус, доставивший группу отдыхающих из евпаторийского санатория в Севастополь, кружит по городу-герою, останавливаясь у памятных и исторических мест. Гиды, прекрасно владеющие материалом, знакомят экскурсантов с памятниками российским воинам, переплетая события Крымской войны 1853-1856 гг. и сражения Советской Армии по освобождению Севастополя и Крыма в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Мне все впервой: полотнища Рубо И каменные штольни Инкермана. Так ясно виден, слышен каждый бой,
Что в горле ком Малаховым курганом.

К Сапун-горе с экскурсией
пришли
Веселые курсанты-мореходы -
Такие же безусые легли
На подступах к Микензиевым
высотам...

Теперь к тебе идут издалека,
Маяк твой виден в необъятных
далях!
Фамилию героя-земляка
Читаю я на памятных скрижалах.

Во время экскурсии в открытом музее на Сапун-горе показываю мужу, что на мраморной стеле Памяти среди Героев Советского Союза, освобождавших Крым и Севастополь, значится: «Сиротин Виктор Николаевич, летчик-штурмовик».

В те годы мы живем в закрытом городе Свердловске-45 (ныне город Лесной). Работая в редакции, часто бываю в Горисполкоме, где общим отделом заведует Тамара Францевна Сиротина. С ее героическим мужем я не знакома, но не раз видела рядом с ней в городе невысокого застенчивого мужчину. Позже узнала, что он работает юристом на градообразующем предприятии. Как оказалось, мы и проживаем на одной улице, наискосок стоят наши дома.

Привезя из отпуска в 1969 году стихотворение «Севастополь», я прочла его с посвящением Виктору Николаевичу Сиротину со сцены в Доме культуры на городском торжестве. Я не рассчитывала на такой громкий резонанс, но вскоре мне было поручено написать сценарий небольшого документального фильма о нашем Герое. И вот тогда я уже близко познакомилась с ним, с его воспоминаниями и архивом его военных будней: фотографиями, перепиской с однополчанами, многое из чего вместе с живыми рассказами фронтовика и легло в основу сценария. При работе над фильмом Виктор Николаевич вместе с кинооператором Сергеем Евгеньевичем Федоровским, создавшим кинолетопись молодого города, вновь побывал на местах своих сражений: кроме Крыма, он освобождал Сталинград, Белоруссию, летал над Кенигсбергом. Фильм, по согласованию с Героем, был назван «Память сердца» и нередко демонстрировался в городе на молодежных патриотических мероприятиях...

Прошло много лет. С 1980 года я живу в Димитровграде, но в город юности приезжала часто к родственникам, пока они были живы. К сожалению, не стало уже и Сиротина, и Федоровского. Но наша общая с героем улица в городе Лесном носит теперь имя Виктора Николаевича. А у меня хранится почетная грамота руководства города за стихотворение «Севастополь», словно переключаясь с той, что получена в студенческие годы за курсовую работу по «Севастопольским рассказам» Толстого.

В марте 2014 года, в те дни, когда решалась судьба Крыма и Севастополя, я находилась в городе Лесном. Я хоронила свою мать, Валентину Спиридоновну, украинку по рождению. Выйдя замуж в 1937 году за служившего в армии в городе Харькове сибиряка, она до своего 100-летия (без нескольких месяцев) прожила в Сибири и на Урале, не раз ездил на свою Харьковщину, отдыхала в Крыму, в Евпатории, навещала друзей в Севастополе... Тягостные ритуальные мероприятия тех дней осенялись в моей душе надеждой на историческую справедливость. И наконец «Севастопольские рассказы» Л.Н.Толстого, и память сердца Героя Советского Союза Сиротина и его фронтовых товарищей, и улица его имени - все заново воссоединилось в моем сознании, утвердилось теперь уже прочно и навсегда!

Шумят платаны, бедра изогнув,
Вознесся ввысь пирамидальный
тополь.
Случись беда - я руку протяну
Тебе, красавец, гордый
Севастополь!

ТРАВА ЗАБВЕНИЯ (повесть)

I. ШТРАФНИК

Стели, мама,
постелюшку
последнюю
неделюшку.
А на той
неделюшке
постелят нам
шинелюшки.
Рекрутская песня

Ловили четверо. Один с задов, другой с прогала, прикрываясь стволом вяза, третий, в штатском, зашел во двор с улицы. Четвертый остался сидеть на облучке тарантаса, остановив сытого милиционерского жеребца прямо перед окнами дома. Трое здоровенных тридцатилетних мужиков были вооружены наганями, а вошедший во двор сжимал пальцы правой руки на рукоятке пистолета «ТТ» в кармане черного пиджака. Карман был мелковат, и семилетний Витька струхнул, впервые увидев столь близко боевое оружие. Мальчик только что вылез из-под амбара и нес бабушке в фуражке пять куриных яиц, радуясь, что благополучно выбрался из тесноты и пыли, и что бабушка не пошлет его туда еще дней пять.

- Мальчик, здесь есть кто? - спросил незнакомец и указал в сторону огромного сарая.

- Нет, - ответил Витька, испуганно глядя на рукоятку пистолета и волосатую кисть мужичины.

- А в доме?

- Там бабушка.

- Позови ее, - приказал незнакомцу. Но бабушка уже сама спускалась с высокого крыльца.

- Где сын? Говори!

- Как где? - опешила бабушка. - В армии.

- Но он же здесь! Или был здесь.

- Был. Один день. Вчера проводили. А что случилось? - забеспокоилась бабушка.

- Дезертир он. Сбежал, сволочь!

Бабушка охнула, присела от неожиданности и роборомотала:

- Господи Иисусе Христе. Спаси и сохрани.

Потом, видимо, овладев собой, выпрямилась, лицо ее исказилось яростью, глаза гневно сверкнули, и она закричала в лицо мужичине:

- Дезертир? Это надо еще поглядеть, кто дезертир! Дезертир! У меня двое там головы сложили! Слышишь, ты! И третий туда ушел. Последний. Мальчишка! Ты кто? - крикнула она в лицо незнакомцу. - Прокрутор нашелся! Наган выставил. Небось, там вас нет! Герои на баб наганы выставляют! Туда бы вас!

- Но, но! Полегче, ты! Тебя не спросили, где нам быть.

- Посадишь, что ли? Сажай! Не боюсь! Отбялась. Мне терять нечего! Хуже не будет...

***
- Ну что, суки? В тылу надоело? А? Зажались бл..и! Ну, я вам покажу! Я научу вас свободу любить! В окопы, в окопы пойдете, вшей кормить! На передовую! Забудете, суки, как солдатам титьки щупать! Молчать, разина! - заорал он на участкового. - Я не таким рога ломал. Запомните меня бл..и, если до вечера не придет ориентировка.

Старший оперуполномоченный Кумарейкин, только что присланный в район, был вне себя от ярости. Он и сам боялся фронта. Шутка ли! Во-первых, у него в начале войны погиб на границе младший брат, и, само собой, старшему не хотелось такой же участи. Во-вторых, по военно-учетной специальности Кумарейкин был рядовой стрелок, следовательно, его ожидала перспектива кормить в окопах вшей на «передке» под неограниченной властью какого-нибудь дуралея-отделенного или наспех испеченного лейтенанта-юнца. С такой суровой реальностью сердце его никак не могло примириться... А тут как нарочно: не успел принять дела - напасть за напастью. Только что разделался с двумя дезертирами. Ночи не спали. Шарил вездеходом, достали изпод моста пересохшей речки Малой Сарки - спасибо пастухам. Второго пристрелили в сурской дубраве. Этот с наганом был. И если бы не он, ворошиловский стрелок Кумарейкин, то этот второй уложил бы незадачливого участкового как пить дать...

Не успели очухаться - и на тебе еще: восемнадцатилетний сопляк, то ли дезертир, то ли самовольщик. Ладно, если вернулся в часть. А если нет? Упустили.

И прощай тогда тайная зазноба аптекарша Клава, ее возбуждающие округлости, перина, чистый медицинский спирт и сурская стерлядь. Все прощай.

Да и законной жене - учительнице начальных классов, квелой тихоне - не выжить без него с двумя детьми...

***

Лето тысяча девятьсот сорок четвертого здесь, в глубоком тылу, выдалось сухим и жарким. А там, далеко на Западе, таинственно-тревожном Западе, развораживалось грандиозное кровавое действо под кодовым названием «Багратион»: советские войска шли в наступление, освобождая многострадальную Белоруссию. Сюда же, на берега Суры, война беспощадной и щедрой рукой несла «похоронки», разбрасывала солдатские треугольники писем. Иногда милостиво возвращала счастливчика-калеку, вконец изуродованного ее мясорубкой и непригодного для дальнейшего использования там...

А этот пришел невредимый. Витька не сводил глаз с невысокого плечистого крепыша дяди Васи. В почти что новой зеленой гимнастерке и синих диагональных галифе, он, единственный мужичина в семье, еще не истребленный войной, вызывал у мальчугана восторг и гордость, несмотря на отсутствие медалей и каких-либо иных знаков отличия. Витька не знал, что такую форму выдавали только непосредственно перед отправкой на фронт.

Дядя Вася ходил целый день по селу, окруженный мальчишками, стрелял из ружья в ворон и галок, рассказывал что-то об армии горбуну-сверстнику, купался в Суре... Однако, к немалому удивлению Витьки, он мало того, что не обращал на племянника никакого внимания, но поминутно отсылал его домой то за складным ножом, то за папироской, то за носовым платком. Витька летал, исполняя его поручения, и в то же время чуть не плакал от обиды. Еще бы! Чужие могут неотлучно находиться с его дядей, а он, родной, единственный племянник, - нет. Обидно было Витьке.

«Был бы жив папка, - думалось мальчику, - он, небось, не гонял бы меня. А дядя - хотя родной, но все же, видно, не отец».

Расторопные пацаны постарше не подпускали Витьку к дяде, окружив солдата плотным кольцом и поминутно задавая ему вопросы. Случего Витька не услышал о военной службе дяди. Ничего. Ни о танке, ни о пушке и пулемете, ни о прочих интереснейших военных вещах. Зато, к великой досаде мальчугана, он услышал от дяди то, чего не хотел бы слышать и никак не мог ожидать. Когда подошли к высоченной п-образной мачте линии радиорелейной связи, проходящей через реку, горбун сказала дяде: - Я бы в армию пошел. Не берут. Быков в колхозе запрятую...

На это дядя в раздумье ответил: - Век бы не видеть. Ни войны, ни армии. Лучше прыгнуть с этой мачты в Суру, чем туда идти...

- Что это он? - испугался Витька. - Неужели трус? В кино героев кажут. А дядя Вася?

Нехорошо стало Витьке.

***

...Провожали с бабушкой на второй день. Мать Витьки работала в поле. Шли пешком. Дядя Вася взял туда гармонию. Это была новенькая двухрядка алтайской гармонной фабрики, выменная год назад за три мешка картошки на базаре. Он успел выучить на ней необходимый музыкальный минимум того времени: «перебор», «подгорную» и «Семеновну». На Шапанде - высокой горе перед деревенькой Поланки - остановились передохнуть. С этой точки внизу хорошо просматривалась Сура, пойма, озера, сама деревенька и дальнее поле за ней,

АЛЕКСАНДР ОСИПОВ

которое рассекала пополам большая дорога, уходящая в сурскую дубраву.

- Ну, ладно, мама. Будем прощаться. Вы дальше не ходите. Ступайте домой...

Бабушка заплакала, Витька тоже.

- Ты, Витек, не унывай, - сказал дядя. Взял мальчишка подмышку, легко подбросил крепкими руками вверх, осторожно опустил, прижал к широкой груди, поцеловал.

- Ладно, мама. Не плачь. Я напишу. Все. Идите...

Не ушли. Долго смотрели вниз на удаляющегося дядю Васю. Он время от времени оборачивался и махал рукой; фигура его уменьшалась и уменьшалась в размерах. Планки гармони, которую он нес через плечо, давали яркие блики на солнце. Наконец дядя превратился в точку и скрылся в сурской дубраве...

***

...Письма с фронта от него приходили какие-то необычные. У всех были треугольники, иногда с фотографиями, на тетрадной бумаге в линейку или клетку. Эти же были в конвертах. И хотя штемпель «проверено военной цензурой» стоял тогда на всех письмах, здесь, кроме того, листы бумаги были стандартные, кирпично-красного цвета. Поверху и низу (поперек листа) были отпечатаны прямые жирные черные цвета линии, и над ними значилось: «Выше черты не писать! Ниже черты не писать!» Витька уже бойко читал письма бабушке. Их было немного, этих писем, и ни единой фотографии дяди Васи в них не было, а мальчику очень хотелось увидеть его в военной форме танкиста. Зато содержание писем наполняло Витьку гордостью за его героического дядю. Еще бы! Ведь каждое письмо его начиналось с самой важной и самой насыщенной фразы: «Смерть фашистским оккупантам!» Не с многочисленных поклонов родне и соседям, как у других, а именно с этой фразы, которую мальчик не раз читал на плакатах, вывешенных у сельского совета, правления колхоза, школы и клуба...

Содержание писем также отражало самое-самое:

- Нахожусь на польской территории...

- Мама, бьем гадов беспощадно. Я отомщу за все...

- Живу я хорошо, как Ваня Князев (сельский нищий)...

- Танк у меня «Т-34» - машина надежная...

- Скоро Германия...

В феврале сорок пятого:

- Нахожусь на германской территории...

- Немцы драпают, но кусаются. Вчера выбивали гадов из подвала пушкой...

- Я вернулся, мама. А ты, Витек, учись...

***
Истощенный вопль двадцатилетней тети: «Васю убили! Убили Васю!» - испугал Витьку. Сердечко его утешенно забило, и к горлу подкатил комок. К этому воплю присоединился материнский. Сбежалось соседи. Витька побежал к дому Ярыгиных и увидел, как он наполняется людьми. Кто-то брызгал водой в белое лицо бабушки, которая лежала в обмороке. А на столе лежало «письмо», написанное химическим карандашом на коричневатой миллиметровой бумаге одна строчка: «Ваш сын Ярыгин Вас. Вас. богиб в боях за Родину 12 февраля 1945 года». Подпись отсутствовала. Кто-то говорил, хохол, мол, написал. С ошибкой. Бывшие солдаты-калеки советовали сделать запрос в часть. Написали после. Ответили: «Ярыгин тяжело ранен и отправлен в госпиталь». Был указан номер госпиталя. Написали в госпиталь. Ответ: «В госпиталь не поступал». Все... Война забрала последнего. Радость Дня Победы померкла для Витьки. Недетская тоска вселилась в его сердце.

...Возвращались с фронта солдаты.

Радовались их родные, гордились сыновья их и дочери, показывая медали и трофейные часы «штамповка», привезенные из Германии. Ничего этого не было у Витьки. Радовался он лишь во снах, когда видел живых - отца, дядю Васю или дядю Леню. Проснувшись, плакал потом...

Продолжение в следующем выпуске